

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 165.62 (430) + 929

А.А. Алебастрова

«ДРУГОЙ» В ЖИЗНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Исследуется феномен «Другого» в его феноменологическом прочтении, посредством обращения к понятиям «линейность» и «нелинейность», помогающим раскрытию феномена Город, жизненное пространство которого предполагает сосуществование «субъект-Я» и «Другого». «Другой», воспринимаемый в преломлении «линейности – нелинейности» процессов, протекающих в сложной, саморазвивающейся городской системе, выступает в роли мессии на пути спасения человека информационного общества от одиночества, посредством создания виртуального «Другого», аккумулирующего в себе человеческий опыт.

Ключевые слова: *Город, Другой, линейность, нелинейность.*

В начале XX в., отказавшись от линейной модели мира, доминировавшей в научном сознании с XVII в., постклассическая наука ввела в философский язык термин «нелинейность», заимствуя его вместе с математическими методами исследования из теории нелинейных дифференциальных уравнений. «Сбросив линейные очки», наука получила возможность смотреть на мир через призму нелинейного мышления, способного, во-первых, объяснить нетривиальность процессов, протекающих в современном мире, а, во-вторых, показать, что многие объекты, познание которых происходило в классический период, продолжают оставаться не исследованными в силу своей сложности.

Формирование научных представлений о нелинейности мира являет собой длительный и сложный процесс, осложненный угрозой падения авторитета классической науки и особенно усиленный динамичностью развития общества рубежа XX–XXI столетий. Можно предположить, что именно признание нелинейности в современной научной картине мира позволило осуществить революционную смену как способа мышления и мировоззрения, так и методологии современной науки. При этом привлекательность нелинейной модели заключалась, на наш взгляд, в получении научной аргументации утверждения о многозначности мира и невозможности существования единственно правильного решения, в то время как «настоящая» классическая наука любые невоспроизводимые явления решительным образом исключала из научной сферы.

Понятия нелинейности, неустойчивости и незамкнутости, избегаемые в классической методологии, становятся основой синергетики. Концептуальные особенности синергетики были отражены в научных работах И. Пригожина, утверждавшего, что только поиск неустойчивости в научном познании

является главным приоритетом человечества, в отличие от искусственно хранимых идеалов стабильности и устойчивости. Предлагаемая концепция не вступает в диссонанс при решении проблем в области естествознания, отражающих современный этап научных поисков. Концепция синергетики позволяет подчеркнуть сложность нелинейного мышления в социальных, экономических и гуманитарных науках.

Соглашаясь с возрастающей научной значимостью нелинейных процессов, следует отметить их влияние на развитие философской мысли. Фактически сегодня мы можем констатировать возникновение новой философии науки, основанной на когнитивном опыте нелинейности. Именно признание нелинейной картины мира предопределило пересмотр ранее утвержденных научным сообществом взглядов на детерминизм и случайность, хаос и порядок, деградацию и самоорганизацию, создавая условия для осуществления долгосрочного прогнозирования сложных нелинейных процессов.

Жизненное пространство человеческого общества в концепции новой философии науки, предполагает сосуществование двух векторов развития. Первый вектор – естественнонаучный, выраженный синергетикой, второй вектор – гуманитарный. Однако, не отрицая параллельность существования этих двух векторов, несмотря на присущую им индивидуальную специфику, вполне уместно одновременно признать их возможное объединение посредством конгруэнтности, в результате которой вектор естественнонаучный и вектор гуманитарный объединяются в теории нелинейных динамик.

Но что же в таком случае должно стать «центром объединения» двух противоположных векторов развития, отражающих эволюцию концепции новой философии? В преломлении данной проблемы было бы уместно вспомнить о грандиозном цивилизационном перевороте последнего столетия, в процессе которого современная цивилизация начинает восприниматься как единый планетарный комплекс. Именно в процессе цивилизационного переворота одним из центров объединения становится Город, воплотивший в себе картину мира и ее противоречия.

Вплоть до Нового времени Город воспринимался как целое, недифференцируемое линейное пространство, постепенно создавая уникальный конгломерат с хаотично возникшими, по границе городских крепостных стен, поселений-спутников, не нарушающих линейность течения жизни Города. При этом в городских документах часто отсутствует переданная в подробностях внутренняя организация Города. Наиболее значимым для хронистов являлась фиксация сакральной сущности Города, выступающего носителем «тайного кода», защищающего его обитателей от внешней угрозы.

Следовательно, Город как феномен, стихийно появившийся из бессознательного желания горожан в сохранении собственной жизни, вызванного страхом смерти перед внешней (от врагов) и внутренней (от болезней) угрозой, со временем приобретает черты самоорганизующейся системы, внутри которой происходил переход от беспорядка к порядку, от хаоса к структурированию. С этого момента Город начинает восприниматься как законченная, искусственно созданная, линейная система, жестко табуируемая городским Уставом.

Высказанную позицию можно аргументировать посредством обращения к анализу западной традиции возведения городов как рационально спланированных проектов, представляющих законченную систему, функционирующую благодаря механизму действия мелких подсистем, поддерживающих жизнь Города и исключаящих хаос и беспорядок. Достаточно вспомнить модель города Константинополя и более ранние городские проекты, например Рима, Милана, Ахена. Линейность их городского пространства дублируется в геометрии улиц, площадей, парков, наиболее выразительно воплотившихся в городских проектах Нового времени. Пространство Города «соткано» из максимально продуманной городской застройки, выраженной в безупречной соразмерности зданий, гармонично сочетающихся с рукотворной красотой городских парков и скверов, повторяющих линейную лаконичность и законченность архитектурных ансамблей.

В конце XVIII столетия в России образ идеальной модели Города воплощается в Красноярске, при закладке которого был использован планировочный модуль, «составленный» из прямоугольных кварталов. Пространственно-уравновешенная модель Города позволяла его жителям существовать в относительно безопасном миропространстве, образованном разветвленной сетью кварталов, «привязанных» к центральной оси Города. Примером Города-проекта выступает история возведения Санкт-Петербурга, сотворенного, согласно одной из многочисленных городских легенд, в небесной синеве и лишь затем спустившегося на болотистые земли. Впервые в русском градостроительстве был реализован линейный проект архитектурно-ландшафтного комплекса, формировавшего пространственную систему Санкт-Петербурга.

Не менее убедительным аргументом в пользу линейности Города выступает право или закон, регулирующий социальную жизнь горожан. Усматривая в генезисе Города определенную степень свободы индивидов, образовавших новую социальную общность – горожан, можно предположить, что отсутствие линейности в ритмике Города способствовало бы разрушению жизнеобеспечивающей городской системы.

Город можно сравнить с Ветхозаветным ковчегом Ноя, в недрах которого оказались объединенными одним пространством, независимо от воли и желания, живые организмы, соприсутствие которых в естественной природе носит антагонистичный характер. Так же как и в ковчеге библейского Ноя, в замкнутом пространстве Города одновременно сосуществуют индивиды, разделенные уровнем доходов, образованием, моралью, потребностями. Неравновесность жизни горожан выступает источником бунтов, социальных конфликтов, убийств и насилия. Лишь только закон в его заданной линейности позволял удерживать Город от саморазрушения. Нарушение закона приводит к хаосу. Ветхозаветную историю строительства Вавилонской башни можно рассмотреть также с позиции разрушения заданной линейности. Самоутрата языка как одного из элементов системы вряд ли могла привести к гибели грандиозного архитектурного замысла. Можно предположить, что в ветхозаветной истории отражены последствия разрушения закона, контролирующего жизнь тысячи людей под властью гордыни утраченного человечеством.

Однако теория линейности не позволяет рассматривать Город как динамично развивающуюся систему. В противоположность нелинейному мышле-

нию, «линейное мышление хорошо работает лишь в ограниченных условиях» [1. С. 213]. Лишь развиваясь в нелинейной системе, Город мог оказывать сопротивление внешней угрозе, молниеносно перестраиваясь и локализуя возникающие очаги опасности и изменяя тип поведения горожан. В то же время линейность Города во время осады или штурма становилась катализатором неминуемой гибели. Приводимый пример идеального линейного проекта Санкт-Петербурга может рассматриваться нами и как пример нелинейности процессов, протекающих в пространственной системе города как агломерации.

Апелляция к Закону, сдерживающему в рамках линейной системы рост агрессии и насилия, также вступает в противоречие с законами, управляющими нелинейной структурой, локализующими мультиактивность внутригородской системы самоорганизации Города, состоящей из городской управы, гильдий, церковных общин, университета.

Аргументом в пользу нелинейной теории выступает пример нежизнестойчивости закрытых городов – поселений, искусственно создаваемых властью. Выстроенные в рамках линейной системы спецгорода, обладая примитивной внутренней структурой, наложенной на мощный интеллектуальный потенциал, исчезали одновременно с ликвидацией производства или сменой правительства.

Все вышесказанное свидетельствует, что Город-феномен, возникший как самоорганизующаяся линейная система, отразившаяся в городской архитектуре и унифицированной социальной жизни горожан, со временем, утрачивая свою линейность, в рамках информационного общества начинает одновременно динамично развиваться и как нелинейная система. В этой дуальности скрывается устойчивость феномена Города, одновременно сочетающего в себе элементы нелинейной и линейной систем.

Определяя место «Другого» при рассмотрении феномена Города, мы обращаемся к термину «деконструкция», введенному Ж. Деррида. Деконструкция есть движение опыта, «открытого к абсолютному будущему грядущего, опыта, по необходимости неопределенного, абстрактного, опустошенного, опыта, который явлен в ожидании "Другого" и отдан ожиданию "Другого"» [2. С. 148].

«Другой», независимо от линейного или нелинейного пространства Города, выражает суть «нового опыта», лежащего в конструкции современного видения мира. «Другой» обнаруживает в себе поразительную двойственность, свойственную, с одной стороны, природе метафизического мышления, а с другой стороны, он позволяет производить реконструкцию понятия «субъект–Я», характерного в философии XX в. [3. С. 14].

Восприятие «Другого» философией Новейшего времени позволяет не только производить конструирование объективного мира, но делать шаг в сторону постижения «другого его», ставшего необходимым в условиях мощного влияния фрейдизма, обнажившего глубинные пороки личности человека, его страхи и ожидания. Философия в отличие от психоанализа рассматривает опыт как изначальный способ осознания, в котором дается некий «Другой», благодаря его живому воплощению. Однако живая воплощённость «Другого» не выступает условием, мешающим признавать «Другое Я» с его переживаниями и сомнениями, становящееся изначальной данностью.

Линейная замкнутость Города, разрываемаемая вихревыми потоками нелинейности, порождает страхи, главным из которых остается страх смерти. Страх и смерть предопределили появление иллюзии, в которой Город рассматривался как сакральное место, оберегающее жизнь. Человек оказывается «заключенным» в многоугольник, образованной геометрией линий, образованных отношением к смерти и восприятием смерти «Другого». Смерть в мировоззрении горожанина становится единственной ситуацией, заставляющей его идентифицироваться с самим собой, ограничивая его возможность избежать ее или передать ее «Другому». Страх смерти усиливается при отсутствии коммуникативных сообщений, порождая новые переживания за жизнь «Другого», одновременно формируя страх существования собственно «Я».

Тогда следует задаться вопросом, можем ли мы в условиях феномена Города-мегаполиса справедливо утверждать, «что говорящий в одиночестве говорит самому себе, что слова ему служат в качестве знаков» и это «извещение не относится к «Другому»?

Пронизанный линейностью геометрии улиц, рассеченных нелинейными потоками проводов, коммуникаций, автомобильных артерий, Город-мегаполис ищет избавление от гнетущего страха смерти через акт принятия добровольного одиночества, в котором каждый может «рассматривать себя как говорящего и даже иногда говорящего себе самому». «Другой» нужен Городу для того чтобы заполнить лакуну, «когда, например, кто-нибудь говорит себе: «Ты поступил дурно, ты не можешь так дальше делать» [4. С. 109]. Следовательно, современный мир Города-мегаполиса обрел формулу спасения от страха смерти, через одиночество с «Другим».

Возникнув в городском пространстве, «Другой» сохраняет свою обезличенность. Ему не нужно собственное имя, поскольку «собственное имя есть лишь не имеющая значения метка, которую мы связываем в нашем сознании с идеей предмета, чтобы мы, как только эта метка попадает нам на глаза или возникает в наших мыслях, могли бы мыслить этот индивидуальный предмет» [4. С. 127].

«Другой» также важен Городу, как «трансцендентальная путеводная нить». В опыте «Другие» даны как действительно существующие в меняющемся согласовании многообразия опыта. При этом они воспринимаются, с одной стороны, как объекты мира, а не только как природные вещи. «Своеобразно сплетенные со своими телами, они, как психофизические объекты, существуют в мире» [5. С. 385]. С другой стороны, «Другие» представлены «в опыте как субъекты этого мира, как уже имеющие этот мир в опыте, и тот же самый мир, который я сам имею в опыте» [5. С. 385].

Не нарушая границы, разделяющей внутреннее пространство – дом и внешнее – улицы, довольствуясь лишь виртуальным общением с «Другим», современный обитатель мегаполиса в границах своей «трансцендентально-редуцированной чистой жизни сознания» становится обладателем опыта интересубъективного мира. Хаос нелинейного пространства Города начинает рассматриваться как индикатор вирулентности феномена «Другого», в то время как опыт переживания воспринимается как ключевая проблема XX в.

Существуя как феномен в современном мире, Город, порожденный эволюцией человеческой цивилизации, сочетая в себе устойчивость линейной системы и динамизм нелинейной, формирует новое прочтение феномена «Другого», прежнее значение которого безжалостно утрачивается. Обезличенный «Другой» выступает своеобразной мессией на пути спасения человека информационного общества от одиночества, посредством создания виртуального «Другого-Я». Аккумулируя новый опыт, «Другой» приводит одновременно к утрате значимости телесности общения, разрушая привычный человеческий мир.

Литература

1. *Никитин С.В.* Концепт «Образ науки» в социокультурном контексте // Социальная жизнь в свете философской рефлексии. Ульяновск, 2012.
2. *Derrida J.* Spectres de Marx. Paris: Editions Galilee. 1993.
3. *Голубева Н.А.* Нелинейность философия постмодернизма в ее понятийном аспекте // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусства. 2009. № 2. С. 13–18.
4. *Гуссерль Э.* Собр. соч.: в 3 т. пер. с нем. В.И. Молчанова. М., 2001. Т. II: Логические исследования.
5. *Гуссерль Э.* Картезианские медитации: пер. с нем. В.И. Молчанова. М., 2010.